

ЗАПЕВ

Сколько светлых, нежных песен
Родине пропел!
Чернотропом, чернолесьем
Свой искал удел.

Рубцевал себя по коже,
Буйствовал, кутил...
Тридцать лет... А как их прожил!
Сколько пережил!

Был он весь, как ветер лета,
Мечен маятой,
Как все русские поэты
На Руси святой.

И СТРАСТЬ И ЛЮБОВНАЯ МУКА...

Взорвали Москву разговоры –
Есенин влюбился... Да ну!
В танцовщицу Айседору,
Рванувшую в нашу страну

Из буржуазного «рая»...
Но только зачем ей, зачем
Россеюшка горячая,
Где столько кровавых проблем,

Репрессий, смертельного риска
И где произвол наяву?..
И всё-таки едет артистка
В голодную нашу Москву!

Всё будет: и хлеба горбушка
И танца античного взлёт...
И в самом разгаре пирушки
Есенин Дункан умыкнёт.

И страсть и любовная мука –
Всё кубарем!.. Бешен, как псих!
Ругает «паршивую сукой»
И пишет... Божественный стих.

Буянит... Ведёт себя грубо.
«Ах, Серж, успокойся... Молю!».
...Хмелят айседоровы губы.
И шепчет Есенин: «Лю-б-лю...».

СУДЬБЫ МОСТЫ

Участь русского поэта –
Жечь судьбы мосты...
Слишком рано смертной метой
Был помечен ты.

Лают критики, как шавки.
Нет друзей, семьи...
Сам ли взял петлю удавки
В рученьки свои?

Злодеянье ли змеёю
Приползло к тебе,
Чтоб меж небом и землёю
Вис ты на трубе?

Ах, Есенин, душат слёзы!
И от скорби сей
Стали белые берёзы
Чутьочку черней.

Над земной твоей могилой
Зов небесных сфер...
Взвильсь дьявольские силы –
Рухнул «Англетер».

Разрушенье – их услада,
Как поклон... Тельцу.
За деяния – награда:

Тем, кто рушил – пропасть Ада.
Свет небес – певцу.

ВОЛЬНАЯ СТИХИЯ

Любимец наш, задиристый мальчишка,
С пророчеством на горестных губах.
В застолице вина хвативший лишку –
Ты испуганно каялся в грехах.

Твой стих небесным светом серебрится,
Слепцам духовным указуя путь.
Он в души наши грешные стучится,
Пытаюсь их, как двери, распахнуть.

В стихе дымы от вешних яблонь белы...
Как волчьи ямы – ноченьки черны.
Ему тесны вселенские пределы,
Что роковой чертой обведены.

Да, этот стих воистину нетленен!
В нём русская пленительна краса.
Стремительно проходит в нём Есенин,
Прищуривая дерзкие глаза.

Он жив! Он с нами! Мы единой веры
В Россию нашу, в каждый новый день,
Хотя над ней, как тайна «Англетера»,
Висит небес трагическая тень.

Загадочна и властна её мета...
Но я хочу поведать об ином,
О том, как я – разгульный, буйный, смертный –
Был усмирён есенинским стихом.

Он мне помог душою просветлиться.
Позвал сюда, где поле, речка, луг,
Чтоб отдохнуть от суетной столицы
И от тебя, промозглый Петербург.

Здесь речь родная самой высшей пробы.
Как девочка, ласкается Ока.
И не видна здесь морда русофоба,
Как в женской бане рожа мужика.

Земля рязанская! Ромашковые дали,
Озёр зазеленевший окоём...
Желанной нежностью моё вы сердце сжали,
Как стих есенинский, когда мы с ним вдвоём.

Тот стих бунтарский – грозная стихия!
Дивлюсь его бездонной глубине.

И чтоб добить в России злого Змия –
Скорей скачи на розовом коне!

ВЛАДЕЯ ДАРОМ ПРЕДСКАЗАНИЯ...

Во дни стихийных потрясений
Его свирельная стезя
Являла бездну откровений...
Но всё печальней пел Есенин,

Всё обречённой... Лжедрузья
То клеветали, то язвили:
«Цилиндр напялил... Экий фат!
В стихах то Бог, то мерзкий мат,

Поднапустил словесной пыли
В глаза властям... И ходит, рад!
Ботинком пнул кого-то в зад –
В Чека забрали, зверски били
Башкой о стенку, говорят...».

С какой кровавою сноровкой
Они вгоняли в пятки страх
Сергею!.. Месть за «тигулёвку»,
Запечатлённую в стихах.

Хрипя, топтали сапогами.
И унижали: «Падла, скот!
Вот и споткнулся ты о камень
Поэт!.. До свадьбы заживёт!».

О нём уже легенды ходят,
А он дурашливо бубнит:
«Меня евреи переводят,
Какой же я антисемит?!

Я больше чувствую природу,
Чем голос крови... На, владей!
И отдал Зину Мейерхольду,
А с ней и двух своих детей.

Теперь один живу... В разладе
С самим собою... И уже
Лечусь от нервов... Сердце – саднит!
И есть осадок на душе.

Вот потому намерен спяну
Сболтнул – Россия на мели,

С планеты смыло Капитана,
Мятежника всея земли.

Что впереди? Аресты, ссылки?
А сам я где найду приют?
Опорожнённые бутылки
За мной, как призраки, бредут.

Ласкают женщины-простушки
Меня ночами... О, ля-ля!
Для них, простушек, я... как Пушкин,
Но я лишь... буквенная тля».

И рот свой криком разрывая,
У самой рампы на краю,
Он голосил: «Не надо рая,
Но дайте Родину мою!».

Потом в гримёрке, обессилев,
Сидел... Неслось из-за кулис:
«Есенин – новая Россия!..».
Зал вызывал его на «бис».

И быстро выбежав на сцену,
Представил сам себя в пути
К избе идущим... Вдохновенно
Шепча, как в юности: «Прости!..».

Прости за то, что ранней ранью
От стен родных рванулся вон!
Владея даром Предсказания –
Я презирал любой закон,

Житейский тоже... А в итоге
Мои враги – мои друзья.
И вот у жизни на пороге,
Как бы... завис и... замер я.

Торчат в мозгу стихи-занозы.
Они вольны, как ветерки!
В них дрожь предсмертная берёзы,
И зыбь мертвеющей реки,

И плёсов окских рябь и выбель...
Не лги в стихах – накличешь гибель!
То даден вещий Знак душе,
Как ласточке на вираже.

Тот Знак — явило Предсказанье
Твоё, поэт... К тебе во сне
Летело сумрачное зданье
На белоснежной простыне.

Ты с Айседорой в нём когда-то
Живал, галантный кавалер.
Как странен сон!.. В нём город-сквер
Слоился, влажной мглой объятый...

Сверкали окна зверовато.
И жаждал жертвы «Англетер».

ДУХОВНЫЙ ЗОВ

Разбавляя водкой слёзы
Пил, тоску круша...
О наветы и доносы
Ранилась душа.

Где тот жар духовной жажды,
Где мечтанья... «в дым»?
Ужаснулся он однажды:
Да, следят за ним!

Цепенели мысли, чувства...
Сам себя корил:
«Не от смертных ли предчувствий
Я так много пил?

Опостылили подружки,
Ищущие встреч.
А сестрёнка — та в «психушку»
Умоляет лечь...».

— Может завтра в суд столичный
Вызовут... Быстрой
Убегай под кров больничный,
Подлечись, Сергей!

— Что я, чокнутый? Не лягу!
— «Намотают» срок...
Да ложись ты, бедолага!
И Есенин — лёг.

И пошло: уколы, клизмы...
Шутит врач: «Убьём
Вирус антисемитизма,
Иль возьмём живьём!».

Ну а вирус, хоть опасен,
У певца избы и прясел
Приживётся ль он?
Нет! Не тот планктон!

Тут иное — «дух бродяжий»,
С добрым юморком:
«Наверну „психушной“ каши —
Млею над стишком».

Хоть палата и прилична —
Тишина, покой...
Но — был зов! Уют больничный
Стал ему тюрьмой.

И сбежал, любимчик славы,
В мрачный град Петров.
Знал бы он — каким кровавым
Будет этот зов!

Вскрикнешь, страхами объятый:
«Боже, сохрани!
«Англетера» номер пятый
Вроде западни!».

В поздний час ночного спора
Некий имярек
Ляпнет: «В недрах коридора
Чёрный человек!».

Не герой ли той Поэмы?
Очен-но похож!
Он в любого зло и немо
Пулю всадит, нож!

Нервный! Наголо пострижен,
Вкрадчив каждый шаг.
Дышит он или не дышит?
Зомби или Маг?

В нём похабно-истеричный
Хулиган живёт.
Ткнуть в лицо горячей спичкой
Может, идиот!

Сгинь! Истлей, как тень изгоя,
Накликатель бед!
Чем он так обеспокоен
Твой двойник, поэт?

СВЕТ РОДНОГО СЛОВА

*Плачет метель, как цыганская скрипка...
Сергей Есенин*

«Англетер» его обитель,
Берегись, Сергей!
Он твой главный погубитель,
Властелин теней.

Задолдонил: «Мрёт крестьянство!
Ваш поэт... зола.
На костре тоски и пьянства
Выгорел дотла!».

Для него ты стал виденьем,
Муляжом в гробу,
С потемневшим углубленьем,
С яминкой во лбу.

Он твоё исчезновенье
Зреть почтёт за честь...
Но гласит небес реченье:
«Нет поэта, но свеченье
Золотое — есть!».

ЕСЕНИНСКИЙ ЛИК

Завою вот-вот на луну...
В таком настроении мерзком
Бывало потянет к вину...
Но топаю в Лавку, на Невский.

А там среди уймища книг
Есть дивные книжки-застёжки...
Есенинский глянцевоый лик
Сияет с блестящей обложки.

«Красавчик! Запущенный сад! —
То критики льстят, то язвят:
Да он из разбойной ватаги!».
Есенин, хотел бы я знать,

Как можно так петь — и не лгать,
И гибель свою предсказать,
Клоня золотистую прядь
Над мертвенным полем бумаги?!

...И всякий раз, врываясь в сени,
Метель свистела, голоса:
«Вольнолюбиво пел Есенин,
Стихами Русь превознося!».

В года гонений и скитанья,
Во дни депрессий и ленцы,
В порыве творческом дерзанья
Хватал он Слово под уздцы.

Презрев пустых речей половину —
Воспел Россию без прикрас...
Он потому её потряс,
Что дивный свет родного Слова
Не гас в нём даже в смертный час.

БЛАГОСЛОВИ МЕНЯ, ЕСЕНИН!

Горит!!! Зажётся день весенний.
Бурлит овражных вод поток...
Благослови меня, Есенин, —
Я чую зов певучих строк.

Ещё их нет на белом свете...
Они в глуби моей души.
В них колобродит влажный ветер,
Мой чуб, как травы, ворошит.

В них лунно-призрачно мерцает
Почти забытый облик твой...
И лёд воспоминаний тает,
Как тает свечи воск живой,

Когда она горит во храме
И озаряет Божий Лик...
И я — ершистый и упрямый —
Тих и покладист в этот миг.

И вызываю из Забвенья
Весь этот ужас вдохновенья,
Что ставит стих мой на дыбы...
А в нём трепещут наши тени,
Так схожие — до удивленья —
На две разорванных судьбы.

ПОЗНАВШИЙ ВДОХНОВЕНЬЕ

*...Берёзовое молоко
Сергей Есенин*

Был я в жизни певчей птахой.
Кличку дали мне – Поэт.
Даже чтил меня Монахов...
Почему? Ответа нет.

Я бы мог и возгордиться,
Вознести до... облаков,
Ведь печатался в столицах,
Значит, всё же был толков.

Я, познавший вдохновенье,
Бред словесной чепухи,
С нескрываемым презреньем
Обличал свои стихи.

Я, конечно, не Есенин...
До него мне далёко!
Но, как он, я в день весенний
Пил то водку с наслаждением,
То берёзы молоко.

ОБЛАСКАН БОГОМ

*Мой путь уныл...
А. С. Пушкин*

Поэзия! Среди твоих имён
Есть дивный песнопевец... Это он,
Есенин, чья мятежная душа
Со скоростью – стремительной – стрижа

Мелькала словно гибельная тень
Всех разорённых сёл и деревень.

Провидец, забияка и шалун,
Сшибавший с неба шапкой сотни лун!

Как только новенькая выглянет луна –
Есенин вспыхивал: «Обречена! Обречена!»

И шапка вверх летела... Свист и визг...
Поэту подмигнув, смеялся лунный диск.

«Что скалишься?! Уймись!
Но высвети мне взоры
И позы страстной, обнажённой Айседоры!».

То был хмельной есенинский кураж,
С безумной бесшабашинкою... Наш!

Резвился и шумел гуляка и проказник,
Весь – нараспах –
как яркий русский праздник!

На сцене, распаясь,
кричал: «Темно в стране!
Но строчечка, светясь, ещё журчит во мне...».

Дурачься и смеяться, о как же он любил
Ласкать собак и целовать... кобыл!

А женщин утешал: «К поэтам — не лепитесь,
Одумайтесь, дурашки, оглянитесь

На тех предшественниц, что обожали стих...
Они несчастны! Не судите их.

А мне не льстите... Извините, вы лукавы.
Я шёл по жизни то налево, то направо...

А вот куда идти, то знает лишь Христос,
Но в год семнадцатый,
в разгар кровавых гроз,

Чуть не угас во мне тот робкий огонёк
Любви и Веры... Красный вихорёк

Святую Русь пронизывал насквозь...
Мой путь вихляв —
одна сплошная скользь...».

...Таков Есенин! Он один. Особой стати.
И в строчках — удалец...

И с барышней — в кровати.

Обласкан Богом он... А славою — любим.
Мог только Пушкин потягаться с ним,

С его свирельным, чутким, певчим даром.
Дар для него явился тем пожаром,

Что выжег душеньку нежнейшую дотла...
Есенин знал, что в мире лжи и зла,

Коль в Слове — свет, бессмертие — зола.

ТАЙНА

Есенин — тайна русского народа...
Он здесь, в России, с нами — навсегда,
Как наша первородная природа,
Как жданная духовная свобода...

Естественен, как воздух и вода.